

К АРХИТЕКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ В ЗОДЧЕСТВЕ БАКТРИИ И ВОСТОЧНОЙ ПАРФИИ

Типология зданий так называемых исторических стилей архитектуры вырабатывается в процессе многовекового архитектурного опыта. В ней сконцентрированы черты, определенные условиями природной среды и социальной организации, запечатлен общий эстетический взгляд, присущий данному народу и эпохе, скресталлизованы стойкие приемы планировки, объемно-пространственных композиций и архитектоники как выражения структуры через посредство архитектурных форм. История архитектуры дает тому немало примеров: египетский храм, греческий периптер, готический собор.

К проблеме архитектурной типологии античной Средней Азии еще каких-нибудь два десятилетия назад было бы трудно подступиться из-за незначительного числа самих изученных к этому времени памятников зодчества, хотя уже и тогда наметилась возможность выделения здесь крупных архитектурных школ¹. Ныне положение изменилось: благодаря широкому археологическим исследованиям в научный обиход введен значительный материал, который уже позволяет обрисовать некоторые ведущие черты типологии зданий монументальной архитектуры. Опыт такого обобщения применительно к зодчеству Бактрии, Восточной Парфии, отчасти Согда ставится автором в настоящей статье.

В формировании архитектурной типологии многие специфические черты определяют климат и природные ресурсы. С ними прежде всего был связан выбор строительных материалов и разработка соответствующих строительно-технических приемов. Ведущую роль сыграл здесь лёсс — общедоступный и обладающий отличными строительно-техническими качествами материал; он пластичен, прост в обработке, малотеплопроводен и ничего не стоит, поскольку составляет основную почву среднеазиатских долинных и предгорных зон. Сырец и битая глина-пахса, растворы и штукатурки, иногда жженный кирпич и терракотовые детали вкуче определяли основные конструкции зданий, главнейшие архитектурные формы и даже тот теплый охристо-желтый колорит, который господствовал в облике бактрийских и парфянских городов и селений.

Хотя в бактрийско-парфянском зодчестве и были разработаны приемы выведения арок и сводов, благодаря частым землетрясениям предпочтение отдавалось гибким системам балочных перекрытий, нередко с использованием деревянных колонн. Учет сейсмички объясняется и очень ограниченное применение камня, при всем богатстве края камнем различных пород.

Резко континентальный климат Средней Азии с его перепадами температур не только в разное время года, но и в пределах дня и ночи побуждал строителей к созданию стен большой толщины (2—2,5 м), чем обеспечивался отличный тепловой режим в помещениях, ибо необожженная глина хорошо сохраняет прохладу в жаркие дни и тепло очагов зимой.

Особенности климата предопределили также широкое использование колонных навесов — айванов. В жилых домах айван по существу представлял собой летнее поме-

¹ Г. А. Пугаченкова, Архитектура среднеазиатской античности, ВДИ, 1951, № 4.

щение, в котором большую часть года протекала жизнь семьи. Айваны — в виде портика, террасы, обводной галереи — входят и в монументальную архитектуру дворцов, храмов, монастырей.

Наряду с учетом природно-климатических факторов в планировке зданий отображен момент социально-бытовой организации и идеологических воззрений. В жилых домах отчетливо выступает подразделение на гостевую часть с приемным залом (михам-хана в среднеазиатской терминологии) и семейно-бытовую, включающую группы помещений как для пребывания семьи, так и подсобно-хозяйственного характера. Закрытость планировки отображает определенные формы семейного уклада. Черты эти в значительной мере присущи и архитектуре дворцов, отличающихся от богатых жилых домов лишь иными масштабами, числом апартаментов, нередко богатым художественным оформлением главных айванов и залов. Момент идеологический, быть может, в наибольшей мере запечатлен в культовой архитектуре. Запретность храма для непосвященных определяет замкнутую композицию и изоляцию святилищ, укрытых от обозрения внутри обнесенного высокой стеной двора.

В процессе долгой эволюции (с III в. до н. э. по III в. н. э.) в планировочной структуре жилых домов, дворцов, культовых сооружений вырабатывается несколько ведущих композиционных схем, варьирующих размерами, числом и формой помещений при сохранении основной планировочной идеи. Как правило, в них имеется планировочно-организующий центральный элемент — двор или зал. Примечательно, что единая схема нередко применяется в зданиях, различных по назначению, но лишь в тех случаях, если она отвечает их функции.

В типологической классификации можно выделить три следующие основные группы, внутри которых существуют разные варианты.

Г р у п п а

Композиция с центральным элементом и его периметральным или П-образным обводом.

1. *Зал с обводным кулуаром.* Центральным элементом служит квадратный зал, охваченный коридором, иногда подразделенный перегородками. Коридор окружает зал по периметру — таков «Северный храм» на Мансур-дере в районе Парфянской Нисы, предположительно III—II вв. до н. э.² (табл. I, А), и водохранилище кушанского времени на городище Дальверзин, в Северном Афганистане³ (табл. I, Б), — или же с трех сторон, как в святилище Канишки в Сурх-Котале II в. (табл. I, В)⁴, наземном святилище и пещерных молельнях буддийского монастыря Кара-Тепе в Термезе, II в.⁵ (табл. I, Г). Особый вариант представляет Круглый храм Старой Нисы II в. до н. э. (табл. II, А).

2. *Платформа с обводным кулуаром.* Это как бы вариант предыдущей схемы, но кулуар охватывает с трех или с четырех сторон сплошной строительный массив. Последний являет собой либо платформу для второго этажа помещений (Башенный храм

² Г. А. Кошеленко и В. Н. Пилико, Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы, в кн. «Каракумские древности», II, Ашхабад, 1968, стр. 33 сл., рис. 1. В вопросе о датировке этого храма возникают некоторые сомнения, связанные с размером строительного материала, каковым является прямоугольный сырец 43 × 20—23 × 10—12 см. Подобный формат присущ строительству Средней Азии от III до середины I тыс. до н. э.; затем его сменяет крупный квадратный сырец, который и господствует в местной античной архитектуре, однако прямоугольный сырец вновь применяется в постройках V—VII вв.

³ О. Бердыев, О некоторых сходствах материальной культуры Туркменистана и Северного Афганистана, «Памятники Туркменистана», 2/10, 1970, стр. 11—12.

⁴ D. Schluemberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane, JA, 1952, стр. 438 сл., рис. 2—4, табл. II—IV; Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (II), JA, 1954, стр. 163 сл., рис. 1; Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (IV), JA, 1964, стр. 318 сл., рис. 1; L'Orient hellénisé, P., 1969, стр. 60 сл., рис. 26, 27.

⁵ Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе, под ред. Б. Я. Стависского, М., 1969, стр. 8 сл., рис. 2.

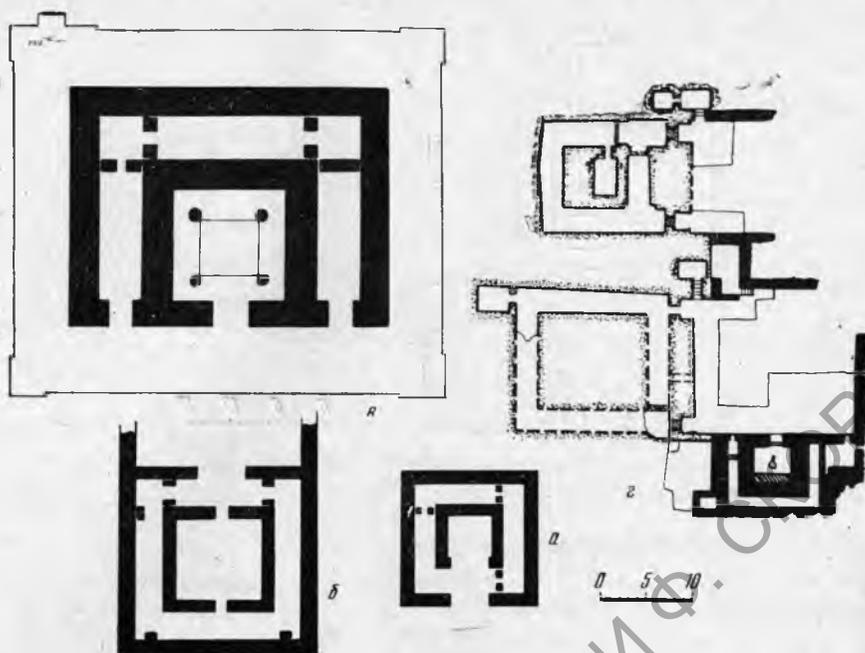

Табл. I. Композиция «Зал с обводным кулуаром». А — «Северный храм» на Мансур-депе. Б — водохранилище в Дальверзине, В — святилище Канишки в Сурх-Котале. Г — часть буддийского монастыря на холме Кара-Тепе в Термезе

Табл. II. Композиция «Зал с обводным кулуаром». А — Круглый храм в Старой Нисе. Композиция «Платформа с обводным кулуаром». Б — Башенный храм в Старой Нисе. В — буддийское святилище на Дальверзин-Тепе

Парфянской Нисы, II в. до н. э.⁶, табл. II, Б) или же, несколько возвышаясь над уровнем полов, служит стилобатом для установки ступ и статуй (буддийское святилище на Дальверзин-Тепе, I в. н. э.⁷, табл. II, В).

⁶ Н. И. Крашениникова, К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы, «Известия АН ТуркмССР, серия обществ. наук», 1960, № 4, стр. 40 сл., рис. 1; Г. А. Пугаченкова, История искусств Туркменистана, М., 1967, рис. на стр. 36.

⁷ Г. А. Пугаченкова, Новое в изучении Дальверзин-Тепе, СА, 1971, № 4, стр. 196, рис. 8.

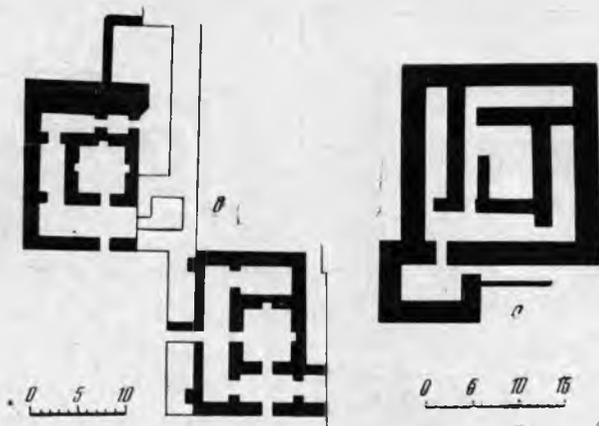

Табл. III. Композиция «Зал с обводом из коридорообразных помещений». А — жилой дом в Кизыл-Кыре. Б — храм В и служебное здание в Сурх-Котале

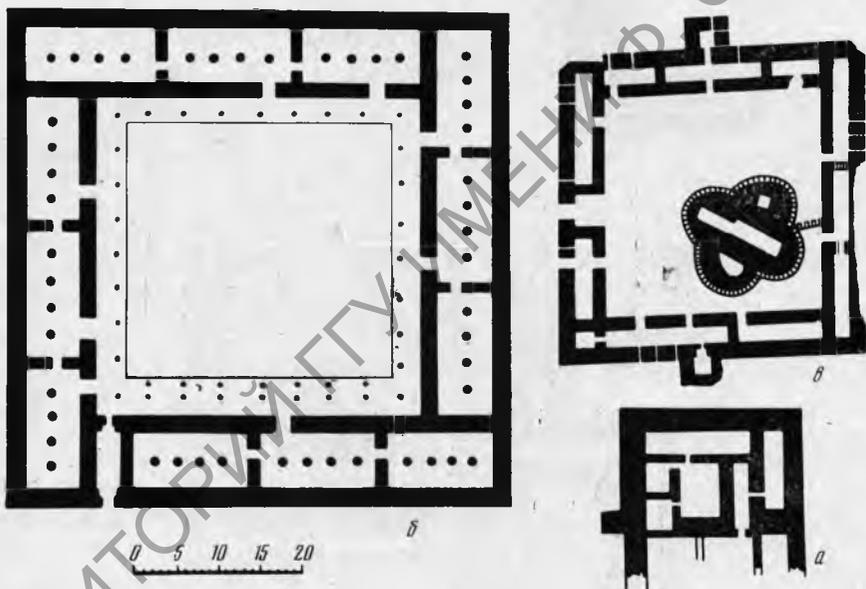

Табл. IV. Композиция «Двор с обводом из коридорообразных помещений». А — сельский жилой дом в Гарры-Кяриз. Б — «Квадратный Дом» — сокровищница Аршакидов в Старой Нисе. В — культовый комплекс в Чоль-Тобе

3. Зал с обводом из коридорообразных помещений. Функционально видоизмененный вариант первого типа. Обводом квадратного зала является как бы уширенный коридор с перегородками, образующими продолговатые комнаты. Этой схеме следует планировка жилого дома в Кизыл-Кыре в Бухарской области I в. н. э.⁸ (табл. III, А), храм — В и служебного назначения здание второго строительного периода — около середины II в. н. э.⁹ в Сурх-Котале (табл. III, Б).

⁸ В. А. Нильсен, Кизыл-Кыр. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1956, стр. 60 сл.; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, История искусств Узбекистана, М., 1965, стр. 46 сл., рис. 13. Предполагавшаяся датировка Кизыл-Кыра III—II веками до н. э., по-видимому, завышена. Во всяком случае, керамика в его заполнении — не ранее I—II вв. н. э.

⁹ Sch l u m b e r g e r, JA, 1954, стр. 167, рис. 2, табл. II; JA, 1964, рис. 1.

4. *Двор с обводом из коридорообразных помещений.* Вариант предыдущей схемы, использованный при больших размерах постройки с заменой зала квадратным (или почти квадратным) двором. Этот принцип заложен в планировке парфянского жилого дома на поселении Гарры-Кязриз II—I вв. до н. э.¹⁰ (табл. IV, А). Классическое решение (с соблюдением пропорций, четкой структурой, перистильной колоннадой) является Квадратный Дом — сокровищница царских реликвий в Старой Нисе, II в. до н. э., с перестройками I в. до н. э.¹¹ (табл. IV, Б). Аналогичная схема использована в согдийском здании на поселении Чоль-Тобе в Южном Казахстане I—IV вв.¹² (табл. IV, В). Во дворе его высится монументальное, четырехлопастное в плане сооружение культового характера, помещения же обвода двора, видимо, были связаны с храмовым хозяйством.

5. *Зал с обводом из коридора и разнообразных помещений.* Этот планировочный тип дают следующие памятники: первая группа помещений крупного административно-дворцового здания в Ай-Ханум, III в. до н. э.¹³ (табл. VIII), греко-бактрийский замок-форт в Айртаме около середины II в. до н. э.¹⁴ (табл. V, А); парфянский замок-форт в Эрк-Кале Старого Мерва, I в. до н. э.¹⁵ (табл. V, Б), два крупных жилых дома — один на городище Ай-Ханум, III—II вв. до н. э.¹⁶ (табл. V, В), другой на Дальверзин-Тепе, I в. до н. э. — I в. н. э.¹⁷ (табл. V, Г). Главный зал двух первых памятников квадратов, в двух других он прямоуголен и выделен по главному фасаду глубоким айваном.

6. *Двор с обводом из коридора и разнообразных помещений* (табл. VI). Развитие той же темы, но с заменой зала двором; таково дворцовое здание в Саксанохуре греко-бактрийской эпохи II в. до н. э.¹⁸

Г р у п п а

Поперечно-осевые композиции с перпендикулярно вытянутым по отношению к главной оси залом, айваном и группами помещений. «Храм в раскреповках» из Ай-Ханум (II в. до н. э.) в плане квадратный, но расчленен на два отдела — поперечно вытянутый пронаос и лежащую за ним клету с двумя подсобными помещениями по обеим сторонам¹⁹ (табл. VII, А). Дворец в Халчаяне (около рубежа нашей эры) имеет широкий айван, обжатый торцами стен боковых помещений, вытянутый параллельно ему зал, за которым расположено двухколонное помещение, и лежащие по обе стороны от этой главной группы подсобные коридоры и комнаты²⁰ (табл. VII, Б).

¹⁰ В. Н. Пилипко, Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кязриз (Парфияна), в кн. «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970, стр. 74 сл., рис. 25.

¹¹ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 69 сл.

¹² М. С. Мерццев, Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V вв., в кн. «По следам древних культур Казахстана», Алма-Ата, 1970, стр. 80 сл., рис. 1—2.

¹³ P. V e r n a r d, Troisième campagne de fouilles à Ai-Khanoum en Bactriane, CRAIBL, 1968, стр. 264 сл., рис. 23; Quatrième campagne de fouilles à Ai-Khanoum (Bactriane), CRAIBL, 1969, стр. 314 сл., рис. 1; Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanoum en Afghanistan, CRAIBL, 1970, стр. 301 сл., рис. 1—2.

¹⁴ Памятник исследован Узбекистанской искусствоведческой экспедицией в 1961—1963 гг.

¹⁵ Э. И. Усманова, Эрк-Кала, «Труды ЮТАКЭ», 1963, стр. 33 сл., рис. 13.

¹⁶ CRAIBL, 1969, стр. 321 сл., рис. 6; CRAIBL, 1970, стр. 310 сл., рис. 9, 11.

¹⁷ Здание исследуется Узбекистанской искусствоведческой экспедицией с 1969 г.

¹⁸ Б. А. Литвинский и Х. Мухтаров, Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, стр. 100 сл.

¹⁹ V e r n a r d, CRAIBL, 1969, стр. 327 сл., рис. 11; CRAIBL, 1970, стр. 317 сл., рис. 16, 19, 22.

²⁰ Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 30 сл., 138 сл.

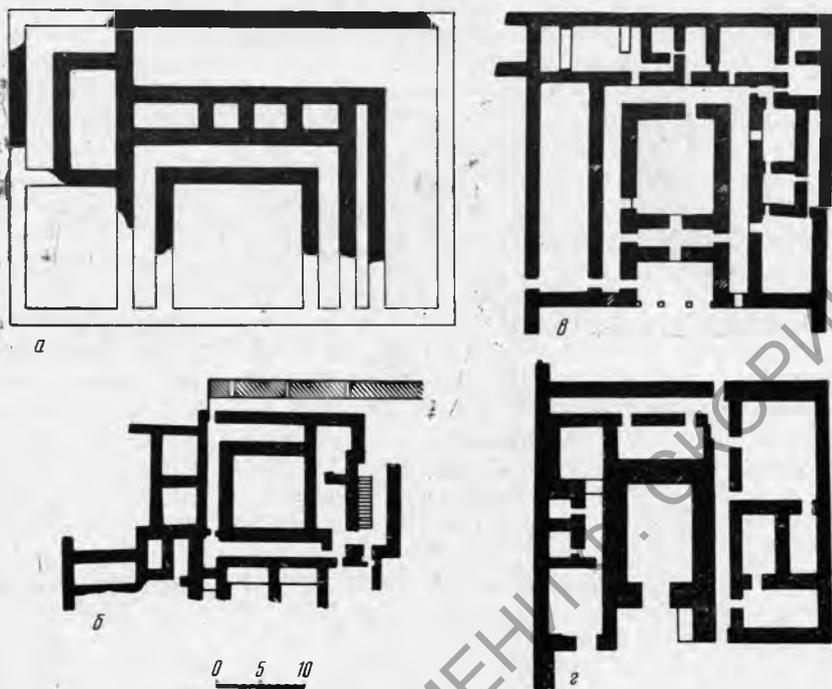

Табл. V. Композиция «Зал с обводом из коридора и разнообразных помещений». А — дворец-форт в Айртаме. Б — замок-форт в Эрк-Кале (Мерв). В — жилой дом в Ай-Ханум. Г — жилой дом на Дальверзин-Тепе

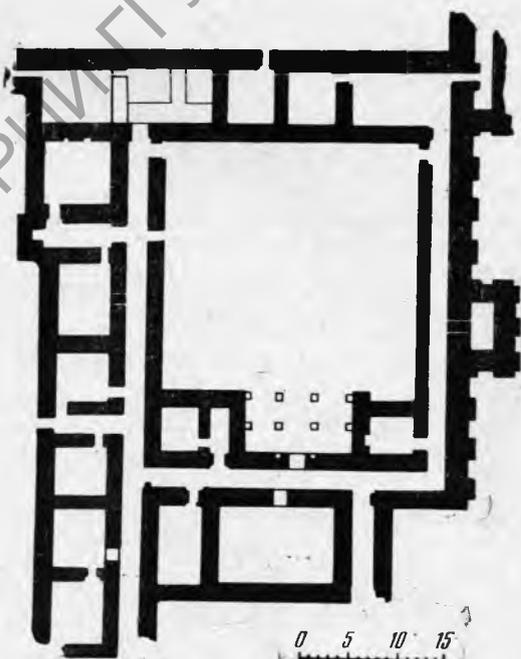

Табл. VI. Композиция «Двор с обводом из коридора и разнообразных помещений». Дворцовое здание в Саксанохуре

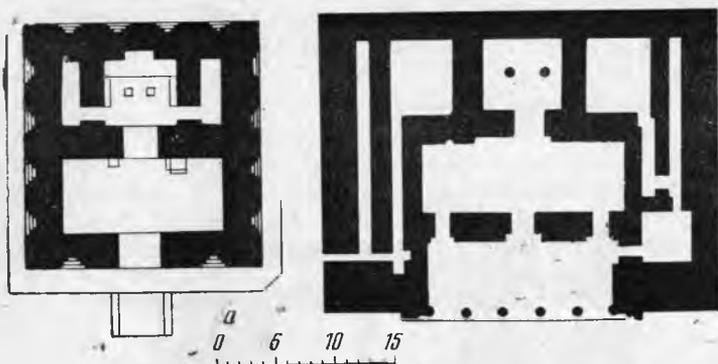

Табл. VII. Поперечно-осевая композиция. А — храм в Ай-Ханум.
Б — дворец в Халчаяне

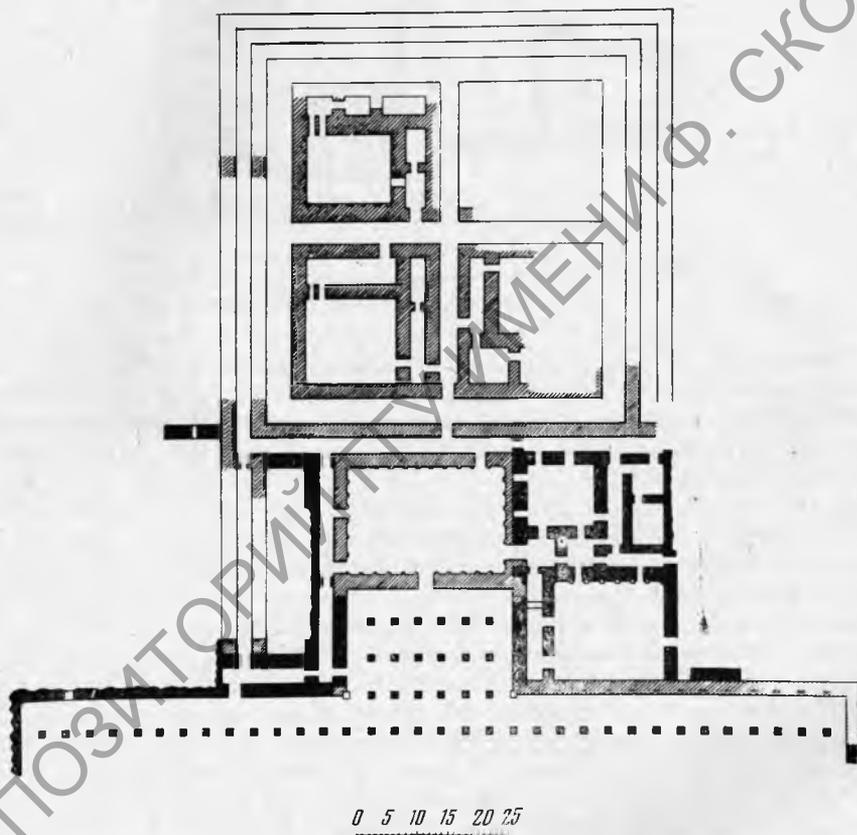

Табл. VIII. Композиция с крестовидно-коридорной связью. Административно-дворцовое здание в Ай-Ханум

III группа

Композиции с крестовидно-коридорной связью. Характерную черту их составляют два пересекающихся коридора, откуда входы ведут в отдельные комнаты или в самостоятельные группы помещений. Огромное здание административно-дворцового характера в Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.) включает возведенный на втором этапе строительства обширный отдел — квадратный в плане и охваченный по периметру двойным кулуаром (табл. VIII). Он рассечен двумя крестообразно перекрещивающимися коридо-

рами на четверти, в каждой из которых имеется отдельный комплекс больших и малых залов и комнат²¹. Крестообразный коридор входит в планировку так называемого «главного храма» в Мансур-Депе II—I вв. до н. э., где он отчленяет и вместе с тем объединяет айван, зал и группу разнообразных помещений²² (табл. IX, А). Небольшое здание кушанского времени в округе Термеза представляет собой сырцовый массив, рассеченный двумя коридорами, которые ведут в центральное круглое помещение, по-видимому, некогда перекрытое куполом²³ (табл. IX, Б).

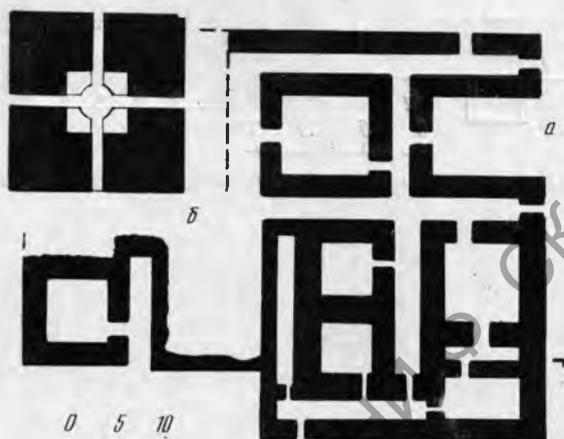

Табл. IX. Композиция с крестовидно-коридорной связью. А — здание храма (?) в Мансур-Депе. Б — здание в районе Термеза

Оставляем пока вне рассмотрения композиции огромных дворцово-храмовых архитектурных комплексов ввиду небольшого количества открытых к настоящему времени памятников этого рода. Отметим лишь, что в качестве составных элементов в них также используются описанные типологические композиции. Так, в административно-дворцовом здании в Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.) сочетаются два отдела: зал с айваном в обводе коридора и комнат и упомянутый выше отдел с крестовидно-коридорной планировкой. В Южном комплексе Старой Нисы есть Башенный храм («массив в кулуарах»); есть двор с колоннадой и окружающими помещениями; есть и иные планировочно взаимосвязанные группы — например, квадратный дворцовый зал со смежными комнатами, Круглый храм с квадратным обводом (табл. II, А) и др.!

Планировочная система многое определяла в объемно-пространственной композиции зданий. Хотя все описанные памятники дошли в руинах, приемы подсчета примерной высоты сырцовых или пахсовых стен (исходя из объема заполняющей помещение глины), определение высоты колонн на основе пропорций соответственно диаметру сохранившихся баз, наблюдения над положением перекрытий и венчающих деталей в зависимости от местонахождения их в завале и т. п. — все это позволяет с достаточной уверенностью воссоздать в графической реконструкции первоначальный облик неко-

²¹ Вегнард, CRAIBL, 1968, стр. 264 сл., рис. 23; CRAIBL, 1969, стр. 314 сл., рис. 1; CRAIBL, 1970, стр. 301 сл., рис. 1—2.

²² Кошелевко, Пилипко, Исследование парфянского святилища, стр. 31 сл., рис. 16. Храмовое назначение данного здания, на наш взгляд, пока не доказано.

²³ Л. И. Альбаум и Т. Агзамходжаев, Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом, «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, стр. 56 сл. Авторы полагают, что это здание — склеп семьи или рода, проживавшего в одном из расположенных в 12—20 км от него кушанских городков (стр. 57—58). Однако если это был склеп, то неясно, для чего нужно было устраивать четыре открытых вонне коридора. Разрозненные костные останки здесь имеют случайный характер и могли быть связаны с более поздним использованием покинутого здания. Вопрос о его назначении пока остается открытым.

торых из них. Так, планировочные схемы с центральным залом в обводе предстают в виде двух прямоугольных объемов, где параллелепипед зала возвышается над плоской кровлей обводных помещений.

Большую роль пространственно-организующего элемента играли в бактрийской и восточнопарфянской архитектуре колонные айваны. Они входили в композицию главного фасада, являя род айвана в антах (жилые дома в Ай-Ханум и Дальверзин-Тепе, халчаянский дворец, Мансур-Тепе-2), обращенного в передний двор — курдонер. Иногда такой айван открыт в пространство внутреннего двора (Саксанохур). Использовался также айван-периптер (святилище Канишки в Сурх-Котале, парфянский храм в Новой Нисе)²⁴ и айван-перистиль («Квадратный дом» в Старой Нисе, двор Сурх-Коталского комплекса).

Мы пользуемся в этом перечне греческой терминологией, хотя колонный айван — это чисто азиатская композиционная форма, связанная с традициями местного народного строительства. Колоннады бактрийского и восточнопарфянского зодчества отличаются от греческих ордеров не только деталями, но прежде всего потому, что колонны их преимущественно деревянные²⁵, хотя и основанные на каменных базах (в Нисе также и на кирпичных). Поскольку они следовали определенной системе соотношений целого и деталей, это дает право говорить о существовании бактрийско-парфянских архитектурных ордеров, которые вводили в фасадные композиции четкий строй и ритм. Но это особая тема, которая заслуживает специального научного экскурса.

Анализ планировочных и объемно-пространственных композиций памятников зодчества Бактрии, Восточной Парфии и отчасти Согдианы помимо выяснения их типологии приводит к ряду и других общих заключений.

Прежде всего выясняется, что одинаковые типологические схемы применялись в зданиях разного назначения, коль скоро они отвечали их практической функции: в жилых домах, дворцах и фортах, в святилищах, храмах и монастырях. В этой связи уместно отметить, что в научной литературе существует тенденция считать храмами все постройки с залом и обводным коридором. Между тем, как показано выше, далеко не всегда это так. Генезис же самой темы «зал в кулуаре», с нашей точки зрения, зарождается не в культовом, а в жилом строительстве. Мировая архитектура дает немало примеров того, как при выработке типологии культовых сооружений за основу принимались уже сложившиеся формы гражданского зодчества, переработанные в соответствии с новым их назначением. Вспомним, что греческий периптеральный храм ведет свое начало от мегарона, ликийские и древнеиранские скальные гробницы — от деревянных наземных жилых домов, мусульманские минареты — от дозорных башен и т. д. Мы полагаем, что и охватывшие коридором квадратные святилища бактрийской и парфянской архитектуры имели своим прототипом «михман-хану» жилых домов, обведенную комнатами, а при большем их числе — также коридором.

Анализ архитектурной типологии приводит также к важному выводу об ее общности в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. Казалось бы, политическая обстановка этому не благоприятствовала, ибо Греко-Бактрийское царство и Кушанская империя находились во враждебных отношениях с государством Аршакидов. И все же, невзирая на рубежи государственных границ, единство естественно-географической среды, этноисторическая общность и в силу этого близость духовного строя, общественных идей, эстетических вкусов тех народов, что населяли в первых веках до и после начала нашей эры современные территории Иранского Хорасана и Сеистана, Северного Афганистана и южных областей советских республик Средней Азии, определили

²⁴ Пугаченкова, Пути развития..., стр. 60 сл.

²⁵ В греко-бактрийском строительстве под влиянием греческих архитектурных ордеров использовались и каменные колонны (фрагменты их капителей и стволов обнаружены в Ай-Ханум, Саксанохуре, Термезе, Айртаме), однако вследствие частых землетрясений распространения здесь не получили.

общность их античной культуры. В зодчестве эта общность проявляется в единых приемах строительной техники, сходном процессе освоения и переработки мотивов греческой архитектуры, в применении собственных близких по стилю архитектурных ордоров и, наконец, в разработке почти единой архитектурной типологии зданий. Любопытно, что черты этой общности оказались здесь большими, нежели в архитектуре восточнопарфянских и западнопарфянских областей, что наглядно предстает при сопоставлении памятников Мерва, Нисы, Кухи-Коджа с постройками Ашурра и Вавилона, Хатры и Дура-Европос²⁶.

Характерно, как в восточнопарфянском зодчестве растворяются, а затем вообще исчезают композиционные приемы греческой архитектуры. В индо-парфянском храме Джандиал (I в. н. э.) явственно ощутима схема греческого периптера: он вытянут по продольной оси, имеет пронаос, наос, целлу и опистодом, но вместо колоннады обведен замкнутым коридором, портик же заменен глубоким айваном на четырех колоннах ионического ордера²⁷. Между тем в современном этому зданию храме из комплекса Кухи-Ходжа обводной кулуар окружает подквадратный четырехстолпный вал и отделенный от него коридором замкнутый прямоугольный вал²⁸. Здесь уже нет ничего от греческой архитектуры, но явственна общность всей композиции с ахеменидским храмом огня — айдана в Сузах²⁹.

Со времени продвижения в Среднюю Азию в первых веках нашей эры из Северо-Западной Индии буддизма в Бактрии и Восточной Парфии возводятся буддийские сооружения. Типология некоторых из них, например ступ, следует той, что сформировалась в Гандхаре и Уджайяне, хотя и имеет некоторые локальные особенности в материале, пропорциях и деталях (ср. ступы Балха³⁰, Термеза, Айртама³¹, Мерва³²). В композиции же буддийских святилищ и отдельных ячеек монастырских комплексов (Дальверзин-Тепе, Кара-Тепе в Термезе) используется бактрийско-парфянская система «зала в кулуаре». В эпоху Кушан она, видимо, была воспринята буддийским строительством Гандхары (монастырь Калаван в Таксиле³³) и Нагарахары (комплекс Баг-Гай в Хадде³⁴). Очевидно, именно из Бактрии через Согд эта система проникает позднее в буддийское строительство Ферганы, Семиречья и Восточного Туркестана, где широко применяется в VI—VIII вв.

Архитектурная типология зданий служит показателем зрелого архитектурного мышления народов, которыми она разработана и которые придерживались ее в своей строительной практике. В этом отношении Парфия, Бактрия, Согд внесли особый совместный вклад в архитектуру античного мира.

Г. А. Пугаченкова

²⁶ Широко известный храм Шамеша в Хатре с квадратной целлой и периметральным обводом возник, на наш взгляд, под восточнопарфянским влиянием. Примечательно, что в плановочном отношении он выпадает из цикла других храмовых сооружений Хатры (ср. план всего комплекса: F. S a f a r, Hatra inscription, «Sumer», vol. XVIII, № 1—2, 1962, рис. 1).

²⁷ J. M a r s h a l l, Taxila, vol. III, Camb., 1951, табл. 44.

²⁸ L. V a n d e n B e r g h e, Archéologie de l'Iran Ancien, Leiden, 1959, стр. 16, рис. 5 (библиография о Кухи-Ходжа — стр. 145).

²⁹ A. G o d a r d, L'art de l'Iran, P., 1962, стр. 160, рис. 155.

³⁰ A. F o u c h e r, La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila, MDAFA, I, P., 1942, стр. 83 сл., рис. 22—25; O. N i e d e r m a y e r, Afghanistan, Lpz, 1924, рис. 208—213.

³¹ Г. А. Пугаченкова, Две ступы на юге Узбекистана, СА, 1967, № 3, стр. 257 сл.

³² Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 95 сл.

³³ M a r s h a l l, Taxila, III, табл. 72.

³⁴ J. V a r t h o u x, Les fouilles de Hadda, MDAFA, IV, P., 1933 (сводный план в конце тома).

ARCHITECTURAL TYPOLOGY IN BACTRIA
AND EASTERN PARTHIA

by G. A. Pugachenkova

The architectural typology of buildings — the strictly worked out system of their plan and volume-space composition — is the index of the maturity of architectural thought in the cultural growth-period of a people. Twenty-five years of post-war research in the field have laid a basis for determining the principal elements of the typology of monumental architecture in Bactria and eastern Parthia and to some extent also in Sogdiana in the last centuries B. C. and the first A. D. The following are the main typological divisions, which include several variants (see illustrations): I A composition whose central element is a hall or a massif, or court bordered by a perimetric or П-shaped corridor and rooms, or both. II A cross-axis composition with rooms along the axis perpendicular to the main axis. III A composition with a cross-shaped corridor-link between the rooms. These typological schemes may stand alone or form parts of larger architectural complexes. They define the space-volume composition of buildings in which a high-volume hall is an important feature, or a spacious court with a pillared portico of a distinctively local order. Buildings serving various purposes often embody the same typological plans: dwelling houses, palaces, forts, temples or monasteries. The architectural typology of Bactria, eastern Parthia and Sogdiana differs substantially from that of the Near East (of western Parthia in particular). These lands made their own distinct, joint contribution to ancient architecture.
